

И. Э. Ульянов (Уфа)

ПРИЦЕЛЬНАЯ СТРЕЛЬБА И РАССЫПНОЙ СТРОЙ В ТАКТИКЕ РУССКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЕХОТЫ 1804–1818 гг.

Применение в армиях стрелкового огнестрельного оружия не сразу сделало актуальным вопрос обучения стрелков навыкам прицельной стрельбы. Тактико-технические характеристики ранних образцов гладкоствольного оружия не позволяли обеспечить надежного прицеливания. Даже изобретение ударно-кремневого замка, усовершенствование конструкции прикладов и прочие нововведения не смогли существенно улучшить точность стрельбы. На долгое время основным способом нанесения поражения противнику с помощью стрелкового оружия стала массовая, по возможности упорядоченная стрельба из сомкнутого строя, позволявшая добиться максимальной плотности огня. Наибольшая эффективность такой стрельбы достигалась при использовании линейных построений глубиной в несколько шеренг на открытой местности; соответственно, и пехота, обученная такой тактике, носила название тяжелой или линейной. Задача ведения индивидуальной прицельной стрельбы надолго перешла к немногочисленным выделенным группам, а затем подразделениям различными способами обученных стрелков, практикующих рассыпной строй и использование выгод пересеченной местности. В дальнейшем такая пехота получила наименование легкой и получила широкое распространение. Нередко в таких формирований применялось более точное нарезное стрелковое оружие.

Между тем, задачи воздействия на неприятеля точной стрельбой и действиями на неровных местах периодически вставали перед командованием, не имевшим под рукой легкой пехоты. Практически невозможно выявить первые упоминания о применении рассыпного строя из состава линейной пехоты. Начало

подобной практики было заложено не позже чем в XVII в.; выделенные стрелки использовались также в войсках Петра I, и у нас нет повода сомневаться в том, что при необходимости их назначали в тех или иных случаях в первой половине XVIII в. По сути, вольные батальоны Румянцева в 1761 г. состояли из тех же стрелков, скомпонованных в устойчивые формации. В дальнейшем активное и носившее постоянный характер обращение к практике выделения стрелков из состава пехоты прослеживается в документах А. В. Суворова.

К сожалению, мы не можем судить о широте распространения подобных правил: ни одного упоминающего о стрелках документа XVIII в., имеющего отношение ко всем вооруженным силам государства, до сих пор не выявлено.

Пристальное внимание высшего военного руководства на использование стрелков из состава линейной пехоты в России было обращено в начале XIX в. Очевидно, только при Александре I эта практика приобрела характер массового явления и наконец подверглась строгой регламентации в «Правилах рассыпного строя...» 1818 г.

Очевидно, причиной такого расцвета рассыпного строя в линейных войсках стало изменение тактики ведения боевых действий. Рост численности армий, практика разделения войск для передвижения, расширение границ полей сражений приводили к тому, что все чаще линейной пехоте приходилось выполнять функции легких войск, так как егеря далеко не всегда были в наличии в нужном месте. В таких условиях grenадерские и мушкетерские (пехотные) полки для противодействия неприятельским стрелкам и для занятия (обороны) пересеченной местности вынуждены были использовать часть собственных солдат в рассыпном строю.

Совершенно естественным в данной ситуации было стремление командования как-то упорядочить стихийно возникшее и входящее в обиход явление. За период 1801–1818 гг. были опробованы три основных способа:

выделение для действия в рассыпном строем солдат третьей шеренги всего батальона;

назначение для действия в рассыпном строем специально выбранных нижних чинов в каждой роте (взводе);

применение целыми линейными батальонами правил егерского учения.

Судя по сохранившимся текстам указов и инструкций, в первое десятилетие века основной практикой стало выделение в стрелки третьей шеренги, для обучения которой даже выделялись дополнительные боеприпасы. Опыт боевых действий в конечном итоге заставил отказаться от использования такой схемы. В то же время обучение целых батальонов в рассматриваемый период носило фрагментарный характер. На практике в полках гораздо чаще использовались импровизационные действия специально назначаемых групп или подразделений: в стрелки обычно назначались 1–2 роты от батальона или так называемые «охотники» (добровольцы) под командой одного или нескольких обер-офицеров. Такие способы формирования «завесы» из передвигавшихся в разомкнутом строю солдат, как показывают документы и мемуары, одинаково часто применялись как в линейной, так и в легкой пехоте.

Ниже мы рассмотрим разные варианты использования солдат линейных полков в качестве легкой пехоты.

1. Стрелки из третьей шеренги. 1804–1810 гг.

Первое упоминание о факте обучения стрелков мы встречаем в тексте истории лейб-гвардии Семеновского полка: «... Первые опыты рассыпного строя были произведены в Семеновском полку. В 1804 году... стали вводить рассыпание людей по одиночке, производившееся вначале без всяких правил; начали обучать применению к местности и проч. Мало по малу все это приводилось к некоторому однообразию; число людей, выбранных для обучения рассыпному строю, в ротах уравнено; всем поручикам приказано при обучении следовать указаниям младшего штаб-офицера и состоявшего при нем подпоручика егерского батальона князя Друцкого-Соколинского. Одним словом, к январю 1805 года рассыпное ученье было уже в таком виде, что полк можно было представить Великому Князю Константину Павловичу. Он назвал это ученье егерскою эволюциею и приказал прислать в Семеновский полк офицеров из других полков для обучения. Офицеры эти прикомандировывались к ротам и, наравне с Семеновскими, несли службу. Застрелы ученье сделалось обязательным не для одних только поручиков, но и для всех младших офицеров только после Аустерлицкого похода»¹. Это высказывание, к сожалению, не подтвержденное ссылкой на источник, тем не менее, позволяет понять алгоритм возникновения учений для рассыпного строя в полках линейной пехоты. Очевидно, в большинстве

случаев развитие подобной тактики шло «снизу», из полков и дивизий; в процессе могли участвовать офицеры егерских полков, которые привносили элементы егерского учения, проходящие процесс адаптации к условиям использования небольшого количества выбираемых из подразделений солдат.

Из приведенной цитаты мы не можем понять и способа выделения стрелков из состава подразделений. При этом веским свидетельством использования в качестве стрелков третьей шеренги является указ 23.01.1805 г. «О прибавке пороха на егерей и на третью шеренгу всех grenадерских и мушкетерских полков», в котором, в частности, содержится следующая фраза: «Для усовершенствования искусства в стрельбе егерей, и на тот конец чтобы в полках grenадерских и мушкетерских третья шеренга состояла вся из наилучше выученных стрелков...»². Исходя из текста, следовало ежегодно отпускать порох и свинец на три дополнительных патрона в год для 552 солдат третьей шеренги и 48 унтер-офицеров упомянутых полков.

О практике боевых действий нам приходится судить по достаточно отрывочным и субъективным данным, редко раскрывающим полную картину происходящего. Так, из рассказа генерал-майора М. Л. Булатова о сражении со шведами при Револаксе 15.04.1808 г. становится понятно, что в его отряде, не включавшем в себя егерских подразделений, практиковалась комбинированная практика назначения стрелков: в нем для разведывательной службы собирались легкие команды из стрелков от всех трех батальонов (60 человек), гусаров и казаков; для службы на аванпостах также высыпалось небольшое количество стрелков из батальонов; в сражении же командирам батальонов велено было «послать своих стрелков в пособие прежним, в которую должность употреблялась всегда одна задняя шеренга»³.

По всей видимости, командование всегда выделяло в ротах какое-то количество метких стрелков помимо солдат третьей шеренги; представляется вероятным, что их могли специально ставить в третью шеренгу и при необходимости использовать отдельно (в этом случае сила цепи из третьей шеренги уменьшалась незначительно). Так, в декабре 1807 г. в отряде генерал-майора Н. М. Каменского, отправленного в 1807 г. к Данцигу и имевшего в своем составе 21-й егерский полк, был создан «собранный со всех полков батальон стрелков»; очевидно, в этом случае речь шла не о третьих шеренгах батальонов,

а именно о подготовленных в ротах стрелках (предположительно, по 10–12 человек от 32–40 рот)⁴.

В то же время (в мае 1807 г.) по приказу шефа Елецкого мушкетерского полка генерал-майора А. Я. Сукина (2-го) было создано подразделение из «230 отборных стрелков с четырьмя офицерами Санкт-Петербургского grenaderского и Елецкого мушкетерского полков» под командой штабс-капитана М. М. Петрова, которое сначала несло службу на аванпостах, а в дальнейшем участвовало в сражениях при Гейльсберге и Фридланде; и в этом случае из каждой роты выделялось по 10–15 стрелков⁵.

Достаточно активно применялось и рассыпание стрелков перед своими подразделениями. В сражении при Гуттштадте 24.05.1807 г. генерал-лейтенант П. И. Багратион атаковал, «построив Московский grenaderский, Псковский и Костромской мушкетерские полки в колонны под защитой батареи наших и имея впереди стрелков⁶. Там же для устройства переправы впереди войск были посланы стрелки и понтонеры; стрелки, переправившись на понтонах на неприятельский берег, обеспечили строительство мостов.

Далеко не все военачальники с оптимизмом смотрели на использование в качестве стрелков третьей шеренги. Суть претензий к этому способу была сформулирована в датированном 1810 г. «Мнении о неудобстве в тяжелой пехоте употреблять третью шеренгу в действии против неприятеля, а особенно регулярного, рассыпанную пред фронтом вместо стрелков» неизвестного автора, служившего в армии еще с екатерининских времен⁷. По его мнению, рассыпание третьей шеренги «обессиливает фронт, и употребление оной вместо стрелков не сделает действительной пользы, какую бы могли сделать настоящие стрелки, к тому подготовленные». Признавая, что «...польза егерей или стрелков во многих различных обстоятельствах весьма велика, и они даже необходимы, как употребляемые в последнюю войну французскими войсками тиральеры», он предлагал «из каждой роты выбрать самых лучших, расторопных, легких и способных к меткой стрельбе по 20 или по 24 человека» и «обмундировать оных стрелков... как можно легче и свободнее, а вооружение приспособить самое надежное для верных выстрелов». Автор был уверен, что «на таковом положении сии стрелки будут самые лучшие, какие только могут быть, даже по мнению моему, гораздо превосходнее всех Егерских полков,

в кои поступают люди без всякого разбора, а при том занимают оных более фронтовой службой и экзерцицией линейной пехоты, а не настоящею егерскою должностю».

Можно предположить, что этот критический отзыв был не единственным: мнения военачальников, прошедших сразу несколько кампаний в 1805–1808 гг., в конечном итоге повлияли и на руководство. В изданном 12.10.1810 г. реескрипте императора о реорганизации пехотных полков и введении в каждом батальоне grenадерской роты из grenадерского и стрелкового взводов, в частности, говорилось: «Опыт доказал, что употребление третьей шеренги в стрелки не соответствует равным образом их назначению; а так как при каждом полку необходимо нужно иметь стрелков, то и назначить к сему служению осьмую же часть полка... В grenадеры и стрелки выбираются люди, не взирая на рост. Отлично доброе поведение, постоянство и терпение в трудах, мужество и храбрость в опасности суть единого права к сему выбору»⁸. Формально с этого момента 1/8 часть всей пехоты была официально названа стрелками. Таким образом, мы можем установить рамки применения упомянутого тактического приема: в 1804–1810 гг. в качестве стрелков в линейной (тяжелой) пехоте в большинстве случаев использовались солдаты третьей шеренги.

2. Избираемые стрелки. 1810–1818 гг.

Отмена прежних узаконений не могла не повлечь за собой появление новых вариантов наставлений: необходимость в стрелках не исчезла, а значит, их действия нужно было как-то координировать. На данный момент нам не удалось обнаружить наставление, которое можно было бы считать основным, касающимся большей части армии документом для подготовки стрелков линейной пехоты в 1810–1818 гг.

Между тем, подобное обучение велось, причем в ряде случаев с большим успехом. Об этом, к примеру, свидетельствуют проведенные в 1811 г. маневры 3-й пехотной дивизии, частью которых стало «ученье тяжелой пехоты со стрелками, производимое Муромским пехотным полком со сводным grenадерским батальоном»⁹. Описание и схема учения доказывают высокий уровень подготовки стрелков, способных производить сложные и разнообразные маневры.

Характерной особенностью русских войск было активное использование рассыпным строем ударной тактики. И. П. Липранди

вспоминал об одном из эпизодов обороны Смоленска в 1812 г., когда солдаты из состава стрелковых цепей постоянно бросались на французов в штыки, зачастую не слушая¹⁰.

3. Рассыпание целых подразделений линейной пехоты.

Информация о рассыпании в стрелки целых батальонов линейной пехоты встречается в ряде источников.

Несколько таких случаев упоминаются в мемуарах и работах, посвященных войнам 1805–1807 гг. Так, в сражении при Кремсе 30.10.1805 г. в цепь был рассыпан весь grenadierский батальон Апшеронского мушкетерского полка, но опыт оказался неудачным. 26.01.1807 г. около г. Прейсиш-Эйлау в стрелки в лесу был рассыпан целый батальон Псковского мушкетерского полка под командой майора Дикушина, который, судя по всему, действовал достаточно успешно¹¹.

Использование крупных подразделений линейной пехоты в рассыпном строю обуславливалось недостатком пехоты легкой, то есть являлось вынужденной мерой, успех которой зависел от многих факторов. Кроме того, исходя из доступных данных, нам трудно судить о реальной картине боя и о способах рассыпания войск. Представляется весьма вероятным, что в цепь были высланы только часть рот батальонов или «охотники». При этом самым известным примером неудачного действия русской линейной пехоты в рассыпном строю стало наступление 18-й дивизии во время операции при Березине 16.11.1812 г., когда в цепь были рассыпаны целые батальоны.

Между тем, автором были найдены цветные и профессионально начертанные планы эволюций, полностью соответствующие егерскому учению 1806 г., но предназначенные для обучения батальона линейной пехоты с grenadierским и стрелковым взводами и с двумя знаменами, то есть созданные в период с 12.10.1810 г. до 1813 г., когда в батальонах было оставлено по одному знамени. Более того, постоянное упоминание в тексте егерского учения 1811 г.¹² знамен, по нашему мнению, может свидетельствовать и о том, что это учение, предположительно, также могло использоваться батальонами линейной пехоты.

4. «Охотники».

Нам не удалось найти каких-либо документов, регулирующих правила высыпания «охотников» – добровольно вызвавшихся солдат и офицеров. Во всяком случае, очевидно, что основными причинами такой практики могло быть два соображения:

желание командиров полков и батальонов быстро решить текущие тактические задачи на пересеченной местности, делая упор, прежде всего, на ударную тактику легкой пехоты;

нежелание командиров использовать в неоднозначной ситуации имеющих лучшую стрелковую подготовку солдат.

Конечно, такие соображения действовали преимущественно в относительно комплектных частях, имевших в строю небольшой процент новобранцев. Не располагая достаточным количеством опытных солдат, командир просто вынужден был вызывать добровольцев, имеющих основанную на различных соображениях высокую мотивацию, важную, прежде всего, для ударной тактики.

Процедура вызова охотников описана в воспоминаниях генерала от инфантерии В. И. Тимофеева о сражении при Прейсиш-Эйлау в 1807 г., в котором он участвовал в качестве ротного командира Выборгского мушкетерского полка: «Полковой командир... приказал вызвать охотников, которых вышло вперед до 1000 человек, но ни одного офицера; как это происходило в виду прусских войск, мне показалось щекотливым оставить в охотниках одних нижних чинов без офицера; а потому, несмотря, что был ротным командиром, я вышел к ним, а за мной последовала и вся моя рота»¹³.

Наставления по обучению стрелков

Не стояло на месте и законодательное творчество, посвященное обучению выделяемых из состава батальона линейной и легкой пехоты стрелков. Одним из первых по датировке стал выявленный нами документ без заголовка, содержащий достаточно подробное наставление для стрелков пехоты¹⁴. Практически наверняка он являлся проектом, разработанным в 1805–1807 гг., о чем свидетельствует упоминание в тексте эспонтонов, унтер-офицерских «штуцеров» (винтовальных ружей) и равнения «в косу» (в затылок). К сожалению, у нас нет возможности судить не только о широте распространения данного наставления, но и о самом факте его практического использования в войсках, так как других экземпляров такого учения до сих пор не выявлено. При этом по основным своим положениям оно гораздо ближе к более поздним учениям: исходя из этого факта, можно сделать предположение о возможном дальнейшем развитии данного документа. Согласно наставлению, в цепь рассыпались солдаты третьей шеренги батальона. Стрелки рассыпались по парам в две

цепи. При этом цепи могли быть редкими (из половинного числа стрелков) и густыми (из полного числа стрелков); при необходимости из двух цепей строили одну. Половина стрелков могла быть выслана в резерв цепи, состоящий из правого и левого полурезервов и центрального резерва. Часть стрелковых взводов или часть резервов могли быть высланы для «прикрытия флангов», выстраивая линию от флангов передовой цепи до флангов батальона. Для руководства действиями стрелков в цепи предусматривалось 29 комбинаций барабанных боев. Интересным новшеством было наступление и отступление из положения лежа: обе цепи лежали на земле, по барабанным боям одна из них поднималась, перебегала сквозь другую на новое место и вновь ложилась. Более того, обе цепи могли наступать ползком; при такой атаке со стрельбой вперед выползал один из пары, стрелял и ждал своего товарища на месте. Стрелки должны были прикрывать перестроения батальона в разные виды колонн и движения колонн.

Одним из немногих уставных документов для рассыпного строя, имеющих строгую привязку как по времени, так и по локализации, является наставление «О эволюции стрелков для полков тяжелой пехоты»¹⁵, составленное под руководством начальника войск в Финляндии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля и 11.10.1811 г. разосланное в подчиненные ему войска (16 пехотных и егерских полков); таким образом, мы имеем дело с примером одного из самых масштабных «насаждений» военно-теоретических взглядов, исходящих не от лица высшего руководства. Сам факт появления такого документа достаточно однозначно свидетельствует об отсутствии на тот момент официально введенного во всех войсках наставления для стрелков. Исходя из очевидных фактов, генерал высказывал свой взгляд на устройство стрелкового дела в полках: «Судя по тому, что многие солдаты не имеют природных способностей стрелять в цель, обучением которых напрасно бы терялось время, труд и заряды, то предписывается иметь в каждой роте человек по 20 или 25, или более тем лучше, стрелков, которых избрали по способностям, снабдить лучшими ружьями и обучать преимущественно других. Гренадерские же роты должны быть все хорошие стрелки»¹⁶. Именно для этих стрелков и предназначались правила, предлагаемые Штейнгелем, часть из которых была описана в «Правилах о цельной стрельбе...». Отдельно отмечалось, что эти положения касались именно стрелков «тяжелой

инфanterии» и не вносили изменений в маневры егерских полков. Согласно правилам, предлагаемый рассыпной строй представлял собой одну цепь, состоявшую из построенных в линию по фронту троек стрелков («товарищей»), с загнутыми флангами (одна–две тройки с унтер-офицером); либо без резерва, либо с резервом, построенным в три шеренги в заданном месте. Подача команд осуществлялась барабанными сигналами. Представляется очевидным, что предложенная в данном наставлении схема высылки стрелков тройками из-за сложности алгоритма чередования «товарищей» при перемещении и стрельбе требовала гораздо большего времени для обучения, но при этом не предоставляла явных преимуществ по сравнению с «парной» цепью. Генеральское новаторство не нашло своего продолжения ни в одном известном последующем документе. Его применение на практике также не подтверждается выявленными на данный момент источниками. Учитывая все эти факторы, мы можем считать учение Ф. Ф. Штейнгеля 1811 г. тупиковой ветвью развития законотворчества в области применения рассыпного строя стрелков тяжелой пехоты.

Система обучения стрельбе

В первые годы XIX в. стрелковая подготовка оставляла желать лучшего. Мы уже упоминали о прибавке для обучения стрельбе пороха и свинца на три выстрела в год «на егерей и на третью шеренгу всех grenaderских и мушкетерских полков» от 23.01.1805 г. Подтверждением этой практики стало положение от 16.02.1808 г., согласно которому «для учения» положено было выделять свинец «на каждого строевого рядового и унтер-офицера во все гвардейские, grenaderские, мушкетерские и егерские полки на две шеренги по пяти, а на третью по восьми пуль»; к свинцу назначалось сообразное количество пороха¹⁷.

Собственно, первоначальное и самое активное обучение стрельбе солдаты проходили, еще будучи рекрутами. 21.12.1808 г. было издано высочайше утвержденное положение «Об отпуске ежегодно в учрежденные рекрутские депо на ученье рекрут и команд, при них состоящих, пороха и других вещей»¹⁸. Положение гласило, что в год на каждого рекрута выделялся порох на 50 «боевых» патронов; при этом свинцовые пули заменялись на глиняные, оставлявшие различимые отметины в щите-мишени на расстоянии до 50 саженей.

Обучению стрельбе было посвящено одно из «Отделений» брошюры «Краткое наставление о солдатском ружье...»¹⁹, составленной генерал-майором И. Г. Гогелем и изданной в 1809 г. Про состояние стрелковой подготовки в армии автор отзывался достаточно сурово: «Пехота наша во множестве случавев доказала, что штыком великие чудеса можно произвестить; но огонь руженой по сих пор ни в каком еще войске с должным успехом производим не был; кроме что начинают с некоторою пользою употреблять рассыпных стрелков». Причины плохой стрельбы он видел в прививаемых солдатам привычках палить быстро и на любом расстоянии прицеливаться «неприятелю в пояс». Гогель в наставлении максимально доходчиво излагал основы теории стрельбы. Предельная дальность выстрела ружья при возвышении в 43,5 градуса, по мнению Гогеля, составляла 500 саженей (с учетом размера сажени в 1,42–1,52 м – около 750 м), а дистанция горизонтального выстрела – 120 саженей (около 180 м). Автор предложил следующую последовательность обучения стрельбе: сначала солдаты стреляли в деревянный щит, разделенный по высоте на три полосы; затем – по сделанным из досок подобиям человеческих фигур, установленным на разных расстояниях и уровнях относительно стрелка.

Тем не менее, всеми очевидцами отмечалось практически полное отсутствие в русской линейной пехоте первого десятилетия века навыков цельной стрельбы. Положение стало несколько выправляться в начале 10-х годов, когда за дело активно взялось командование корпусного и дивизионного уровней. Так, в это время П. П. Коновницын, ставший начальником 3-й пехотной дивизии, в предписании об обучении солдат говорил: «Стрелок должен быть уверен, что сколько у него пуль в суме, столько он несет смертей неприятелям»²⁰. Шеф Павловского гренадерского полка генерал-майор Д. П. Неверовский в приказе по полку от 06.10.1811 г. отмечал: «Приятно бы для меня было, ... если бы господа ротные командиры гренадерских рот стрелков, а фузилерных хорошо выученных стрелять рядовых, и надежного поведения, посыпали стрелять дичь, через что они привыкают к верному глазомеру и получают навык к цельной стрельбе; теперь же в ротах есть невыстреленные пули и порох, оставшиеся от маневров, которые позволяет употреблять на охоту, ведя им верный счет и подавая еженедельно через фельдфебелей в полковую

канцелярию записи: сколько в которой роте будет убито дичи, оставляя, однако же, оную в пользу стрелков»²¹.

Много внимания подготовке стрелков уделял и генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель. В его отношении к генерал-майору Ширкову от 11.10.1811 г. содержались «Правила, относящиеся к цельной стрельбе вообще, и к обучению стрелка в особенностях»²², составленные при участии полковника Ф. Ф. Экельна (шефа 47-го егерского полка) и майора Аристова. При этом интересно отметить, что генерал не отрицал возможности внедрения инициатив на местах: «Если ваше превосходительство по опытности вашей и знанию службы что за полезное найдете прибавить или в некоторых местах переменить, я охотно позволяю, лишь бы меня о том уведомить, ибо я препровождаю те только к руководству правила, которые известны мне и дознаны моими опытами, следовательно сего пространного и нужного искусства опыты одного человека не могут быть совершенны во всех отношениях».

В архиве нами был выявлен интересный документ о подготовке стрелков, не содержащий информации ни об авторе, ни о времени написания, но по ряду признаков относящийся к началу 10-х годов XIX в.²³ Неизвестный чиновник (судя по всему, высокого ранга) отмечал: «На опыте доказано, что по образу нынешней войны необходимо нужно в армии иметь хороших стрелков, для сего теперь в полках стараются оных обучать, но как не во всяком полку есть искусные стрелки, которые бы могли показать нужные правила для обучения стрелять в цель; то для сего и должно послать в полки по несколько хорошо обученных унтер-офицеров с тем, чтобы они совсем остались в тех полках, куда будут посланы». Необходимых для этой функции унтер-офицеров автор предлагал выбирать из учебных grenадерских батальонов, к которым предварительно присылались выбранные «хорошие стрелки из придворной Его Императорского Величества охоты». Подготовленные таким образом унтер-офицеры должны были делиться своим искусством уже в полках. Хороших стрелков нужно было выделять особым образом: «Хороший стрелок, который будет искусно стрелять и успевать в обучении других, должен быть отлично от прочих награжден... Награждение для стрелков будет состоять из ружья, прочнее и лучше других сделанного, одинакового с прочими калибра, на котором будет вырезан вензель Его Императорского Величества с надписью “За ста-ранie и искусство”».

Автор предполагал ежегодно выделять в каждый полк по 12 таких ружей (во все армейские полки – 1872 ружья); ружья стрелкам выдавал шеф при собрании всего полка. Получившие наградные ружья стрелки переводились на старший оклад, а уже имевшие такой оклад – на унтер-офицерский. При уходе в отставку или в другой полк ружья оставались при полку.

Очевидно, это предложение было осмыслено и частично осуществлено: нам удалось найти информацию о выдаче в 1811 г. 25 подобных ружей образца 1808/09 г. лучшим стрелкам лейб-гвардии Семеновского полка; очевидно, тогда же они были вручены и в других гвардейских полках. На стволах ружей наносилась надпись «За старание и искусство»²⁴.

Вводимый в обращение новый устав, конечно, не смог обойти тему стрелковой подготовки – этому была посвящена отдельная статья ротного учения, в которой отмечалось, что «самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят». В каждом батальоне теперь полагалось иметь несколько мишеней нового образца – деревянных щитов высотой 2 ¾ аршина и шириной 1 аршин; на выкрашенных черной краской щитах рисовали две горизонтальные белые полосы шириной 4 вершка – посередине и у верхнего края. Солдаты стреляли по щитам с 40, 80 и 120 саженей, причем на первых двух дистанциях целили в нижнюю полосу, а на дистанции 120 саженей – в верхнюю. По результатам стрельбы в роте составлялся список лучших стрелков²⁵.

На практике для обучения стрельбе армейских частей могли использоваться солдаты гвардии. Так, в марте 1812 г. в лейб-гвардии Семеновский же полк поступило письмо с благодарностью солдатам полка, которые в количестве 12 человек (по два на полк дивизии) занимались обучением искусству прицельной стрельбы нижних чинов новосформированной 27-й дивизии²⁶.

В инструкции главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклай де Толли, составленной в Варшаве 22.02.1815 г., среди прочих правил обучения войск в мирное время немалое внимание уделялось стрелковой подготовке. Предлагалось учить солдат длительному «прикладыванию», которое способствовало бы прицельному выстрелу. Для стрельбы в мишень офицеры одновременно должны были выводить не более 15 солдат, составляя для инспекторской проверки особые списки количества выстрелов и попаданий каждого

человека. Более того, указывалось, что «стрелки grenaderских рот сверх отличного поведения и храбрости, качества grenader составлять долженствующих, должны отличаться искусством цельной стрельбы»²⁷.

Завершение европейских военных кампаний дало старт новым преобразованиям в организации и подготовке войск, происходившим из накопленного боевого опыта. В апреле 1818 г. типографией Первой армии были напечатаны «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрелщиков всей пехоты». Новые веяния отразились также в изданных в 1823 г. при штабе Первой армии «Правилах для обучения цельной стрельбе из ружья».

¹ Дирин П. П. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. 1683–1883. СПб. 1883. Т. 1. С. 365.

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. (далее: ПСЗРИ). Т. 28. СПб., 1830. № 21601.

³ Михаил Леонтьевич Булатов. 1760–1825 // Русская старина. 1874. Т. 11.

⁴ Журнал военных действий войск состоявших под начальством генерал-майора графа Каменского 2-го с 14 апреля по 27 июня 1807 года. СПб., 1809. С. 5–6.

⁵ М. М. Петров. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 147.

⁶ Журнал военных действий императорской Российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С присовокуплением донесений о сражениях: Пултуском, Прейсиш-Эйлавском, Гутштатском, Гельзбергском и Фридландском. СПб., 1807. С. 167.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17917. Л. 1–3.

⁸ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 13–15.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 16843.

¹⁰ Замечания И. П. Липrandи на «Описание Отечественной войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вып. 2. Вильно, 1903. С. 11.

¹¹ Гениев Н. История Псковского пехотного Генерала-Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881. М., 1883. С. 150.

¹² Ульянов И. Э. Эволюция наставлений по подготовке егерей в России и егерское учение в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIX Международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 года, 2016. С. 285–294.

¹³ Из воспоминаний генерала-от-инфантерии В. И. Тимофеева о сражении 23 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау». // Военный сборник, 1907, № 4. С. 2–3.

¹⁴ РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 3713.

¹⁵ Ульянов И. Э. Наставления генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля для стрелков. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XX Международной научной конференции, 5–7 сентября 2016 г. / Сост. И. В. Корнеев. Бородино, 2017. М., 2017. С. 81–100.

¹⁶ РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189Э. Д. 6. Св. 2. Л. 266.

¹⁷ ПСЗРИ. Т. 30. СПб., 1830. №22827.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. 30. №23413.

¹⁹ И. Г. Гогель. «Краткое наставление о солдатском ружье, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению Ученым комитетом по артиллерийской части изданное». СПб., 1809.

²⁰ А. И. Михайловский-Данилевский. Журнал 1813 года. // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 315.

²¹ Воронов П. Н., Бутовский В. Д. История. С. 131.

²² РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189Э. Д. 6. Св. 2. Л. 331–344.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17896.

²⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2382.

²⁵ Воинский устав о пехотной службе. Ч. 1. О строевой службе. СПб., 1811. С. 198–200.

²⁶ Аглаймов С. П. Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 150–151.

²⁷ Столетие Военного Министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Ч. I. Кн. II. Отд. III С. 245.